

Г. Абдирайымова* , А. Саймасаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: Gulmira.Abdiraiymova@kaznu.edu.kz

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В КАЗАХСТАНЕ: КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ФАКТОР РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Системные изменения, происходящие в Казахстане, начиная с 90-х годов, обусловлены социально-экономическим кризисом и соответствующими последствиями для уровня жизни населения: падением дохода на душу населения, ростом неравенства в доходах. Показатели социального уровня жизни населения имели признаки трансформационного кризиса наряду с отчетливой тенденцией снижения всех системных показателей – макроэкономических уровней и социальных индикаторов, включающих потенциал системы здравоохранения и образования. Несмотря на рост социально-экономических показателей страны в последние годы, в Казахстане по-прежнему сохраняется значительный уровень социального неравенства и дифференциации, глубже, проявляющийся в сельской местности, чем в городах. Целью настоящей статьи является исследование религиозной идентичности, выступающей важным фактором, определяющим не только социальное и экономическое неравенство, но механизмы, лежащие в основе этой взаимосвязи. Проведенное социологическое исследование в регионах Казахстана подтверждает эмпирические связи между религией, социальным статусом и материальным доходом, но выявляет причины подобных закономерностей. Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНиВО РК (АР 19679699 «Религиозность/духовность, благополучие и идентичность казахстанской молодежи: сравнительное страновое исследование»).

Ключевые слова: социальная структура, социально-экономическое неравенство, религиозная идентичность, вера, религиозное убеждение.

G. Abdiraiymova*, A. Saimassayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: Gulmira.Abdiraiymova@kaznu.edu.kz

Social and economic inequality in Kazakhstan: the contextual factor of religious identity

The systemic changes occurring in Kazakhstan since the 1990s have been driven by a socio-economic crisis and its corresponding consequences for the living standards of the population. This includes a decrease in per capita income and a rise in income inequality. Indicators of the social standard of living have exhibited signs of a transformational crisis alongside a clear trend of declining systemic measures, encompassing macroeconomic levels and social indicators, including the potential of the healthcare and education systems. Despite recent improvements in the country's socio-economic indicators, significant levels of inequality and differentiation persist in Kazakhstan, with a deeper impact on rural areas than urban ones. The aim of this article is to investigate religious identity as a significant factor not only in determining social and economic inequality but also in elucidating the mechanisms underlying this relationship. A sociological study conducted in various regions of Kazakhstan confirms empirical connections between religion, social status, and material income, while also uncovering the reasons behind such patterns. This article was prepared as part of a grant funded by the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (AR 19679699, "Religiosity/spirituality, well-being and identity of Kazakhstani youth: a comparative country study").

Keywords: social structure, socio-economic inequality, religious identity, faith, religious belief.

Г. Әбдірайымова*, А. Саймасаева

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: Gulmira.Abdirayymova@kaznu.edu.kz

Қазақстандағы әлеуметтік және экономикалық теңсіздік: діни бірегейліктің контекстік факторы

Қазақстанда 90-шы жылдарының басынан бері жүйелі өзгерістер әлеуметтік-экономикалық дағдарысқа және халықтың өмір сүру деңгейіне, атап айтқанда жан басына шаққандағы табыс көрсеткішінің төмендеуіне, табыс теңсіздігінің өсуіне айтарлықтай әсер етті. Халықтың өмір сүру деңгейінің көрсеткіштері барлық жүйелік көрсеткіштердің – макроэкономикалық деңгейлер мен әлеуметтік индикаторлардың, оның ішінде, денсаулық сақтау және білім беру жүйелерінің әлеуетін қоса алғанда, айқын төмендеу үрдісімен қатар трансформациялық дағдарыс белгілері пайда болды. Соңғы жылдары елдің әлеуметтік-экономикалық көрсеткіштерінің өсуіне қарамастан, Қазақстанда қалаларға қарағанда ауылдық жерлерде теңсіздік пен дифференциацияның деңгейі айтарлықтай дәрежеде әлі де сақталуда. Осы мақаланың мақсаты ретінде тек әлеуметтік және экономикалық теңсіздікті ғана емес, осы қатынастың негізінде жатқан механизмдерді де анықтайтын маңызды фактор болып табылатын діни сәйкестікті зерттеу айқындалды. Қазақстан барлық өңірлерінде дерлік жүргізілген әлеуметтанулық зерттеулер діни, әлеуметтік мәртебе және материалдық табыс арасындағы эмпирикалық байланыстарды растайды, бірақ осындай заңдылықтардың себептерін анықтайды. Мақала ҚР ҒжЖБМ Ғылым Комитетінің гранттық қаржыландыруы шеңберінде дайындалды (АР 19679699 «Қазақстандық жастардың діндарлығы/руханилығы, әл-ауқаты мен бірегейлігі: салыстырмалы елішілік зерттеу»).

Түйін сөздер: әлеуметтік құрылым, әлеуметтік-экономикалық теңсіздік, діни бірегейлік, сенім, діни наным.

Введение

Повышенное академическое внимание к изучению религиозной идентичности как контекстуального фактора социального и экономического неравенства, оправдано. Социальное неравенство, которое вписано в различные социальные сферы в виде неравных жизненных шансов или доступа к благам, ресурсам и положениям, также отражается через идентичность, коммуникации и взаимодействия между людьми в их повседневной жизни. Казахстан характеризуется различными структурными и экономическими контрастами в разных областях: регионы отличаются по уровню жизни, религиозному разнообразию, демографическим характеристикам, социально-экономическим показателям, благосостоянию, социальному капиталу и институциональному качеству. Неравенство и поляризация приобретает все большее значение в общественной и политической повестке страны. Религиозная идентичность способствует формированию этнической и религиозной гетерогенности регионов. Неоднородность населения создает основу для различий в ее формировании, обоснованием которой является, осознанная принадлежность и выбор той или иной религии. Современные исследования восполняют пробел, предоставляя теоретическое и эмпирическое объяснение связи

между религией и неравенством, идеи которых распространяются от ранней классической социологии. Мы предполагаем, что этот процесс по своей сути является сложным и многоуровневым, поскольку процесс формирования религиозной идентичности уже не ограничивается традиционными социальными институтами (семья, школа). Скорее, наоборот, наиболее важные элементы религиозной идентичности проявляются в убеждениях, знаниях и практиках, которые составляют основу самоопределения индивидуальной и коллективной идентичности.

Казахстан возник как независимое государство и вступил на путь постсоветских преобразований при достаточно сложных условиях. Как геополитический район, страна является одним из важнейших исторических, культурных и экономических регионов Центральной Азии. Существование на одной территории более 100 этносов привело к созданию полиэтничного и религиозно многообразного пространства с населением более 19 миллионов человек с особой социально-культурной ориентированной идентичностью и религиозным многообразием.

Согласно данным регионального мониторинга, проведенного в феврале 2022 года КИСИ при Президенте РК, около 71,1% респондентов признают население в месте своего проживания религиозным. Из них 26,5%, отмечает рост ре-

лигиозности населения в месте своего проживания и те, кто считает, что население в месте проживания остается таким же религиозным, как и несколькими годами ранее – 44,6%. Максимальные показатели роста религиозности отмечаются в Западно-Казахстанской – 42,9% и Мангистауской – 40,7% областях (данные КИСИ при Президенте РК, 2022).

В этом контексте обращение к религиозной идентичности важно с точки зрения изучения определенного взгляда на мир и обозначения принадлежности к той или иной социальной группе. Размышления о религиозной идентичности в публичном пространстве вызывает дискуссию о трансформациях, происходящих в социальной структуре казахстанского общества, ее прямое или опосредованное влияние на ценности, иерархию статусности и образа жизни. Этим и объясняется выбор данной проблемы для исследования, ее рассмотрение и подчиненность ряда задач и исследовательских вопросов, последовательно реализуемых в данной статье.

В аспекте анализируемой проблематики нами представлены некоторые результаты социологического исследования, проведенного Институтом философии, политологии и религиоведения КН МНиВО РК в 2022 г., одновременно авторами анализируются полученные данные в новых сопоставлениях и статистических зависимостях.

Обоснование выбора темы, цели и задачи

Тема религиозной идентичности становится более значимой для общественности в контексте идущих социальных изменений и осмысливающих концепций. Реконструирование научных публикаций последних десятилетий по данной проблематике позволяет выявить разнообразие теоретических исследований, начиная от области социальной политики, где религиозная идентичность рассматривается как элемент государственной стабильности; этнографических публикаций, описывающих ее как фактор возникновения народов и культур; политико-правового аспекта, посвященного гражданству, где религиозная идентичность выступает важным элементом национальной идентичности; межкультурных публикаций с акцентом на диалог и различия. Собственно, социологическая проблематика ушла в сферу неформальных дискуссий, где религиозная идентичность воспринимается как стабилизатор социальных процессов. Дан-

ная публикация ориентирует на проявление ее многофакторности в социальной дифференциации общества, в контексте понятий равенства и неравенства. Их эмпирическая регистрация и предоставление некоторых результатов исследования, связывающие религиозную идентификацию с такими переменными как возраст, пол, достаток, образование являются центральной темой данной статьи.

Настоящий обзор находится на пересечении нескольких направлений исследований: (1) изучение социального и экономического неравенства, широко представленного в теоретическом дискурсе и действенность конструкторов социальной жизни; (2) социально-гуманитарный дискурс анализа стратификации, с точки зрения взаимовлияния институтов, направленных на удовлетворение основных потребностей в образовании, в религиозных смыслах и ценностях, в социальной связи, в оказании услуг и социальной координации; (3) социологическое понимание религиозной идентичности, роли религии в коллективном и индивидуальном самосознании.

В научной литературе социальных наук исследовалась взаимосвязь между неравенством доходов и экономическим ростом, а также различными социальными явлениями, переменными как религия, конфликт, образование и здоровье. Влияние неравенства на социальную жизнь, генерируя результаты его последствий на ценности, идентичность, благосостояние, уровень общественного участия, образования и здоровья определяют научный фокус многих исследователей (Delhey, Steckermeier, 2019). Усиление социального недоверия, выражение беспокойства о собственном статусе как последствия неравенства доходов объясняют и интерпретируют их влияние на личные цели, религиозность и ориентации людей (Nicholas R. Buttrick, Shigehiro Oishi, 2017). Социально-экономические условия оказывают воздействие на идентичность и самоидентификацию с социальным классом, где самоидентификация с «низшим» классом определяется в бедных странах, чем в богатых (Andersen, Curtis, 2012).

В исследовании социальной стратификации, проведенном Davidson & Pyle (2011), внимание уделяется анализу доступа людей к важным ресурсам: власти, привилегиям и престижу. Власть, согласно их концепции, представляет собой способность добиваться своих целей и оказывать влияние на других. Она также включает в себя разнообразные формы политической

активности, такие как участие в общественных движениях, направленных на изменение социальных реформ, участие в выборах и назначение на государственные должности. Рассматривая привилегии как экономический концепт, авторы акцентируют внимание на материальном благополучии, достигаемом человеком в результате своего труда, включая финансовую стоимость всех его активов (недвижимость, автомобили, страховые полисы, сберегательные счета, акции). Престиж, по мнению исследователей, представляет собой социальное признание и уважение, основанное на таких характеристиках, как уровень образования, влияние должности и место проживания (Davidson & Pyle, 2011: 54).

Большинство теоретических попыток объяснить, как религия влияет на социальную стратификацию, сфокусированы на нескольких исследовательских уровнях. Ранние теоретики пытались интерпретировать результаты на макроуровне, рассматривая, как модели религиозной принадлежности влияют на экономическую организацию системы (Backhaus, 1994; Weber, 2002). В социологических исследованиях, которые основаны на теориях о том, как общество делится на разные группы, мы видим интересную связь между религией и социальными классами. Это подтверждается изучением идей двух известных ученых К.Марх и М.Вебер. Оба имеют разные взгляды на то, как важно богатство в обществе, но они соглашаются в том, что религия и социальное разделение влияют друг на друга, и это нельзя отрицать. Schwadel (2016a) подчеркивает, что понимание социального класса тесно связано с идеей о том, как представители разных классов относятся друг к другу. Суть здесь заключается в том, что классы получают свой статус и место в обществе относительно друг друга. Стоит отметить, что без существования социальной стратификации, то есть системы вертикального разделения общества на слои и уровни, нельзя было бы выявить и определить социальные классы в их разнообразии. Это подчеркивает важность взаимосвязи и взаимозависимости разных классов в обществе: например, рабочий класс связан с производственным классом, и, если одного из них нет, это может нарушить баланс в формировании другого (Giordan, 2016: 200). Точно так же отсутствие низших классов может помешать выявлению и функционированию верхних классов, подобно связи между рабочим и производственным классами.

В соответствии с пониманием различия меж-

ду высшими и низшими классами, равно как и между рабочим и производственным классами выступают в качестве явно выраженных черт, поскольку эти классы позиционируются в самых крайних точках спектра социального распределения (Bourdieu, 1987: 58). Убеждение в строгой детерминированности социальных классов и идентификации индивидуумов с их социальными классами, как предполагает, также вносит существенные отличия в то, как мы определяем и операционализируем понятие социального класса в эмпирических исследованиях. Это подчеркивает важность учета различных теоретических ракурсов и подходов при анализе социальной стратификации и классовой динамики.

Труды Марх в контексте исследования религиозности, в первую очередь, затрагивают связь религии с потенциальными изменениями в экономике или, наоборот, ее отсутствием. Однако важно выделить, что в рамках его анализа прослеживаются предположения относительно взаимосвязи между социальным классом и религиозными убеждениями, которые призваны проявиться на уровне индивидуальных и групповых динамик. В понимании Марх в капиталистической структуре экономики религия будет служить интересам буржуазии как доминантного класса. Это соотносится с общей концепцией того, как экономическая основа общества формирует надстройку, включая религиозные институты, отражающие существующие социальные различия. Марх утверждает, что религиозные убеждения играют роль в укреплении пролетариата, введя их в духовное состояние смирения перед своим положением в обществе. Здесь мы наблюдаем как религия, воздействуя на мировоззрение, может влиять на социальный класс, поддерживая доминирующие социальные институты. Таким образом, религия формирует определенное мировоззрение, которое обуславливает признание и смирение с существующим положением в социальной структуре. Данный взгляд на религию раскрывает её потенциальное влияние на социальную мобильность и динамику.

В отличие от марксистской идеи, Вебер проявил интерес к исследованию связи между религией и экономикой, а также их воздействию на общество. Он рассматривал религию с одной стороны, как стабилизирующую силу, с другой как способность к социальным изменениям. Рассмотрение религии с позиции социологических теорий, таких как марксизм и веберизм, по-

зволяет более глубоко исследовать динамику взаимодействия между религиозными убеждениями, идентификацией и социальными классами: марксистская перспектива, фокусируясь на влиянии религии на экономические институты, отмечает роль религии в поддержании социального порядка в обществе; веберовская интерпретация выделяет активное воздействие религии на формирование этических норм, поддержание бережливости и другое. Веберовский анализ влияния трансцендентальных религий на социальные ориентации, является ключевым в понимании. Эти религии, включая христианство, ислам и иудаизм, характеризуются божеством, существенно удаленным от мира, что приводит к возникновению проблемы теодицеи – дилеммы в объяснении, как божественное всемогущество сочетается с недостаточной совершенностью мира, который он создал и управляет (Sadri, 1985: 90). Подводя некоторые итоги, можно заключить, что разные социальные классы и их вера могут формировать различные способы интерпретации материального блага и успеха, что в свою очередь может влиять на их отношение к социальным структурам, неравенству и идентичности (Schwadel, 2016: 360).

Теоретические концепты, освещающие взаимосвязь между двумя переменными как неравенство и религиозная идентичность представляют разные точки зрения: каким образом социальная стратификация оказывает влияние на религию, с точки зрения неравного доступа и возможностей; и как влияет религия на классовое положение. При рассмотрении дискуссии становится ясно, что вряд ли существуют комплексные исследования взаимосвязи социального неравенства и религии, а также обширные исследования религиозной идентичности различных классов.

Эмпирические исследования

Сегодня можно обсудить эмпирические данные, где некоторые исследования обнаруживают устойчиво сильную, а иногда и растущую связь, другие не выявляют какую-либо корреляцию между двумя переменными «неравенство» и «религиозная идентичность». Исследования, выявляющие сильную взаимозависимость между неравенством и религией, показывают, что общества с высоким уровнем неравенства более религиозны, чем страны с более эгалитарным распределением доходов. Объясняя тем, что высокий уровень неравенства порождает сильную

незащищенность, заставляя бедных искать себя в религии как для психологического, так и для материального комфорта.

В исследовании, проведенном в 2021 г. был зафиксирован специфический феномен религиозной самоидентификации, который указывает на впечатляющий масштаб неконфессиональных верующих, скрытую атеистическую приверженность. Согласно данным, мировоззренческий статус определили 12,5% опрошенных, являющиеся верующими, участвующие в жизни религиозной общины, последовательно следующих религиозным нормам, ведущих религиозную жизнь. 36,1% также называют себя религиозными, стараются соблюдать религиозные нормы, посещают мечети, церкви и молельные дома редко, только по праздникам и т.д. 34,7% респондентов идентифицируют себя как верующие, но не участвуют в религиозной жизни общины, соблюдая определенные религиозные нормы и имея собственные представления о религии и вере (Burova, Sagikyzy, Nejazi, 2021)

Более поздние исследования более узко фокусируются на выявлении взаимосвязи и взаимозависимости между религиозной идентичностью и неравенством на микроуровне (например, индивидуальный доход, семейное благосостояние). Хотя современные объяснения сосредоточены на объяснениях результатов на микроуровне (например, соседство, влияние поколений) и их влияние на формирование религиозной идентичности, либо делают выводы о проблемах макроуровня (например, групповые различия в доходах, статус, богатство/бедность) включая особенности семьи и социального происхождения, которые также являются важными его элементами. Структура семьи в детстве, социально-экономический статус родителей (включая род занятий, образование, доход и благосостояние, а также социальный капитал/отношения в совокупности формируют религиозный опыт и идентичность. Кроме того, социологические исследования показали, что этническая принадлежность, пол и другие индивидуальные атрибуты, могут влиять на уровни и траектории достижения респондентом того или иного статуса. Исследования Jaeger (2009) также показали, что семьи передают культурный капитал, который играет важную роль в достижении статуса. Контекстуальные факторы как часть основных характеристик, оказывают влияние на макро- и микроуровнях. Принадлежность к той или иной возрастной когорте или поколению, проживание в городской или сельской

местности, районе и регионе страны являются неотъемлемыми частями процесса формирования религиозной идентичности. Более того, контекстуальные факторы, такие как конгрегация и религиозная среда, являются элементами усиления показателей макроуровня, в которой происходят процессы достижения микроуровня.

Идентичность и религия

Религия рассматривается на уровнях индивидуальной и социальной идентичности: первый, определяет содержание идентичности и помогает человеку понять себя, найти место в жизни и ответить на многие экзистенциальные вопросы. Второй уровень рассматривает ее как основу возникновения этничностей, территориальной и групповой принадлежности, способствуя сохранению и передаче норм и традиций.

Вслед за Mead и Erickson, Goffman возглавил дискуссию по теории ролей. В своей модели, в которой он различает личную, социальную идентичность и эго-идентичность, где человек видит себя вынужденным брать на себя разные роли в различных областях жизни. Каждая из ролей имеет свои разные условия, при этом в диалектике между идентификацией и ролевыми требованиями, необходимо понимание блоков эго-идентичности. Концепция идентичности Goffman демонстрирует социальную объективацию: уникальность личности является прежде всего продуктом социальных ожиданий и атрибуций – это интернализация и субъективное, а также рефлексивное (ре)комбинирование социальных стереотипов (Goffman, 1959).

Luckmann, определяя корни религиозного процесса утверждает, что «фундаментальные социальные и культурные изменения не меняют конструктивно-религиозной природы человеческой жизни. Социальные условия современной жизни не создали принципиально нового человека. Основные темы социально сконструированных моделей реальности, несомненно, изменились, а в результате структурных изменений, приведших к современному обществу, изменились и типичные закономерности, которым соответствует сознание индивида. Но само моделирование, которое помещает человека в социально и исторически трансцендентную реальность, является религиозным процессом. Корни религиозного поведения можно найти в социально-психической природе человека, а также в его истории, в его культурном, политическом

и территориальном или европейском прошлом» (Luckmann, 2019: 170).

Habermas (1987) описывает уровни эго-идентичности, отмечая, что это не может быть просто формой религии, определяемой лишь внешним членством в каком-либо культовом сооружении. Скорее, следует думать о религиозных убеждениях, лично принятые в рефлексивной форме, и представленные в теориях развития религии или убеждений на эмпирической основе (Fowler, 2006: 39). Это, кстати, соответствует в богословии пониманию идентичности, согласно которому она основывается на вере. Существует лишь «разорванное, фрагментарное» то, что свойственно специфической идентичности как отношение к Богу и к трансцендентности (Schweitzer, 2004: 297). Согласно Smith (2003) религия обеспечивает доступ к таким ресурсам, как (1) доступ к моделям поведения согласованными «моральными порядками», придающие смысл и цель их жизни; (2) повышение уровня самоконтроля; (3) социальные сети, обеспечивающие социальную регуляцию в обществе. Muller & Ellison (2001) отмечают, что религиозные подростки проявляют больше усилий к конфессиональной толерантности, проявляя высокую духовную культуру.

Большинству людей дискуссии о значении религиозной идентичности в современном обществе и о ее взаимообусловленности с проявлением различных факторов, вероятно, покажутся абстрактными и далекими от реальности, отмечает Alexander N. Krylov (2012). В ранние периоды человеческой истории идентичности развивались посредством таких верований, как тотемизм, фетишизм и анимизм. В полном смысле о религиозной идентичности фактически можно говорить лишь при краткой версии возникновения монотеизма. Только в иудаизме возникает понимание религиозной принадлежности и, следовательно, «Мы-идентичности», развитие же представления о «собственном Я», основано на принадлежности к определенному богу и религии. Автор отмечает, значимость символов в развитии религиозной идентичности, которые не только передают символические значения, но и интерпретируют принадлежность к содержанию этих значений как принадлежность к группе, способной расшифровать и понять значение символов (Alexander, Krylov, 2012:265).

Кабиденова Ж.Д., Рысбекова Ш.С. определяют религиозную идентичность как составляющую социальной идентичности и выступающей

важной категорией социально-гуманитарных наук (психологии, социальной философии, культурной антропологии, социальной психологии и др.), применяемой для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей (Кабиденова, Рысбекова, 2015).

Социологическая интерпретация позволяет утверждать, что социальная система общества создает и определяет религиозную идентичность, создавая множество моделей, разнообразных тенденций и фреймов для взаимодействия. Анализ шаблонов идентичности выявляет три возможности измерения, во-первых, измерение «Я», связанной с саморепрезентацией и представлением человеком собственного образа, отражающим его внутреннее мирозерцание. Во-вторых, социальное измерение религиозной идентичности посредством существующих в обществе культурных моделей и социальных шаблонов. В-третьих, когнитивное восприятие человеком социального мира, его ассимиляции с доминирующей культурой и проявлением того, насколько он принимает символы, веру, убеждения, составляющие идентичность группы, и интегрирует их в процесс построения своей личностной идентичности.

Научная методология исследований

Получение эмпирических данных базируется на преимуществах количественной методологии, что обусловлено спецификой объекта. Исследование было проведено среди городского и сельского населения Казахстана в возрасте 18 лет и старше, с использованием квот внутри каждого региона по национальности, полу и возрасту. Квота была рассчитана на основе статистических данных Бюро национальной статистики на начало 2022 г. В исследовании использована стратифицированная случайная вероятностная выборка. В исследовании 14 областей и города республиканского значения (Астана, Алматы и Шымкент) выделены в саморепрезентирующие страты. Объем выборки составил – 1504 респондентов. Ошибка выборки – 2,53. Доверительный интервал – 95%.

Количественное исследование проведено с применением метода личного уличного интервью по анкете, запрограммированной на планшете (CAPI), возле дома респондента. Данный этап исследования был направлен на оценку населением своего материального положения

в корреляции с социальным положением и религиозной идентичностью. Прямое управление полевыми работами проведено BRiF Research Group по заказу Института философии, политологии и религиоведения КН МННВО РК.

Эмпирический этап связан с проведением полевых исследований, обработкой результатов массового опроса в программе SPSS, представлением количественных измерений в виде базы и кросс-табуляций.

Результаты и обсуждение

Общая характеристика респондентов.

В исследовании приняло участие – 1504 респондентов, из них: 798 женщин и 706 мужчин, что составляет 53,1% и 46,9%, соответственно. Распределение респондентов по возрасту: 23% опрошенных респондентов представлены в возрастном диапазоне от 18 до 29 лет; 24% в возрасте от 30 до 39 лет; 18% составляют основу возрастного ряда от 40 до 49 лет; 16% – возраст от 50 до 59 лет; 19% – от 60 и старше. Около 59,1% опрошенных проживает в городах, еще 40,9% – в сельской местности.

Религиозность населения Казахстана: опыт самоидентификации

Анализ данных показывает, что в целом 84,5% опрошенных идентифицируют себя с «верующими»: 8,2% считают, что последовательно следуют религиозным нормам, ведут религиозный образ жизни и регулярно посещают места богослужения; 34,9% идентифицируют себя с верующими и стараются соблюдать религиозные нормы, редко посещая места богослужения; 42,2% – соблюдают определенные религиозные нормы и имеют собственное представление о вере. В целом к людям, проявляющим равнодушное отношение к религии, проявляют 8,1% опрошенных, 1,9% считают себя противниками религии.

Суммарное значение верующих мужчин составляет – 82,9%, тогда как это значение несколько выше у женщин (суммарное значение ответов составляет 86,1%). Распределение ответов на вопрос о религиозной идентичности в проекции на возраст выявляет тенденцию, согласно которой устойчивая самоидентификация «Я верующий». Последовательно следую религиозным нормам, веду религиозный образ жизни. Регулярно посещают места богослужения (мечеть, православный храм, костел, кирха, синагога, буддийский храм, молельный дом и т.п.) имеет равномерное про-

центное распределение в возрастных диапазонах от 18 лет и старше 60 лет в среднем значении – 35%. Данная тенденция является устойчивой в утверждении «Я верующий, но не посещаю места богослужения». «Соблюдаю определенные религиозные нормы и у меня свое представление о вере» – в среднем значении – 40% для всех возрастных групп. Равнодушными к религии считают – 8,5% молодых людей в возрасте от 18-29 лет; 9,1% – в возрасте от 50-59 лет. В этой же возрастной группе – 2,6% считают себя противниками религии.

64,6% опрошенных из числа верующих исповедуют – ислам; 17,7% отнесли себя к православным. Этничность респондентов проявляет большую идентификацию с религиозностью у респондентов казахской национальности (суммарное значение – 85,9%).

Имущественно-доходное расслоение.

По результатам социологического опроса населения Казахстана, в настоящее время имущественно-доходное расслоение оказывает наиболее сильное влияние на изменение ее социальной структуры. Данные об удовлетворенности своим материальным положением свидетельствуют, что 69,0% полностью и скорее удовлетворены своими доходами; скорее не удовлетворены /совершенно не удовлетворены – 16,2%.

Анализ показывает, что 77,9% опрошенных относят себя и свою семью к среднему слою. При этом из числа тех, кто выбрал критерий «средний слой» – 87,5% имеют незаконченное среднее образование и 76,7%, — послевузовское

образование с соответствующей степенью магистра или доктора PhD. С «зажиточным» слоем соотносят себя – 11,7% опрошенных, с «бедным/очень бедным» – 4,8% и еще 5% с «высоким» слоем общества. Уровень материального благосостояния является одним из важных критериев среди других по самооценке казахстанцами своего социального статуса.

Однако сопоставление результатов самоидентификации опрошенных по имущественно-доходным слоям (субъективный класс) и по совокупности результатов, полученных по вопросам о доле бюджета на питание и об уровне благополучия семьи (объективный класс), представляет определенный разрыв.

Факторная обусловленность: религиозные убеждения, национальность, ценности и профессия.

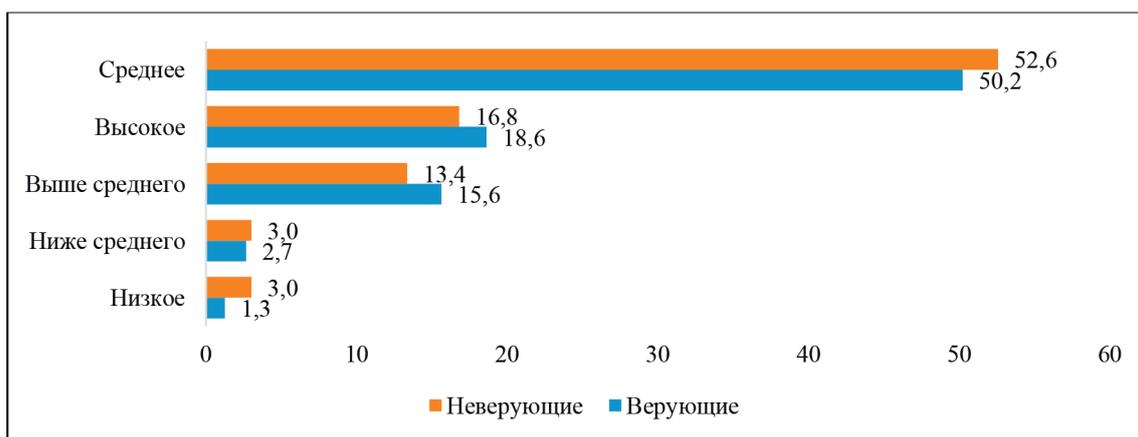
На основе проведенного анализа можно констатировать, что около 87,7% верующих граждан ощущают принадлежность к гражданам Казахстана, в то время как среди неверующих этот показатель составляет 82,8%. Оба сегмента населения чувствуют себя включенными в национальную общность. Процент ощущения принадлежности к людям своей национальности также выше среди верующих (84,2%) по сравнению с неверующими (74,1%). Это может указывать на то, что религиозные убеждения могут усиливать чувство национальной принадлежности. Среди верующих и неверующих граждан существует схожее ощущение принадлежности к людям своего круга ценностей, но верующие (75,6%) все равно чувствуют себя ближе к этой группе, чем неверующие (69,8%) (рисунок 1).

Рисунок 1 – Доля опрошенных, «всегда» чувствующих свою принадлежность к перечисленным группам (%)

Показатели ощущения принадлежности к людям своей профессии или того же рода занятий выше среди верующих (67,5%) по сравнению с неверующими (59,5%). Это может быть связано с тем, что верующие часто находят поддержку внутри религиозных общин. Верующие (79,3%) ощущают более сильную принадлежность к лю-

дям своей веры по сравнению с неверующими (56,5%). Это подтверждает важность религиозных убеждений в формировании чувства принадлежности. Верующие (83,7%) и неверующие (76,3%) ощущают себя частью местного сообщества (города/села), но верующие проявляют более высокую степень принадлежности (рисунок 2).

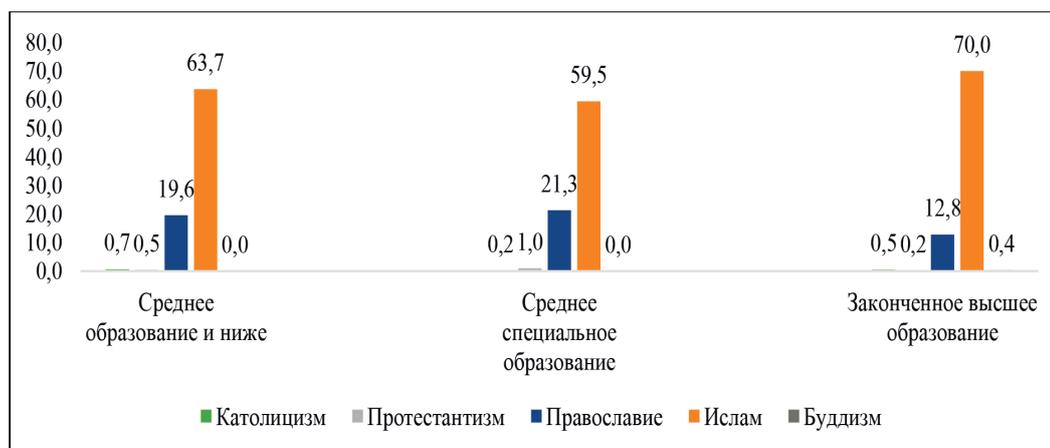

Рисунок 2 – Распределение по степени престижности своей профессии среди верующих и неверующих (%)

Результаты указывают на то, что вероисповедание, национальность, профессиональная принадлежность и местоположение могут влиять на ощущение принадлежности к различным группам среди граждан Республики Казахстан.

Анализ уровня образования среди различных религиозных групп позволяет нам более глубоко понять, как религиозные убеждения мо-

гут влиять на конструирование образовательной траектории. Средний уровень образования среди разных религиозных групп сильно варьируется. Ислам и Православие имеют самые высокие проценты законченного высшего образования, соответственно 70,0% и 12,8%. Православные группы также имеют высокий процент среднего специального образования (21,3%) (рисунок 3).

Рисунок 3 – Распределение по уровню образования в разрезе религиозных групп (%)

Исследование показывает, что доля верующих с низким социальным статусом (низким престижем профессии) составляет 1,3%, в то время как среди неверующих данное значение составляет 3,0%. Таким образом, верующие имеют более высокий шанс иметь профессии с низким престижем по сравнению с неверующими. Исследование также выявило, что как среди верующих, так и среди неверующих людей, доля тех, кто имеет высокий социальный статус (высокий престиж профессии), больше, чем тех, кто имеет низкий статус. Однако следует отметить, что верующие имеют небольшое преимущество перед неверующими в этом

отношении. Таким образом, верующие чаще имеют профессии с более высоким престижем. Средний социальный статус, определенный как "среднее", охватывает более половины как верующих (50,2%), так и неверующих (52,6%). Это свидетельствует, что большинство участников исследования имеют профессии со средним уровнем престижа, независимо от их вероисповедания. Исходя из вышеперечисленных результатов и анализа, можно заключить, что вероисповедание оказывает некоторое влияние на социальное положение людей в обществе, но оно не является единственным фактором (рисунок 4).

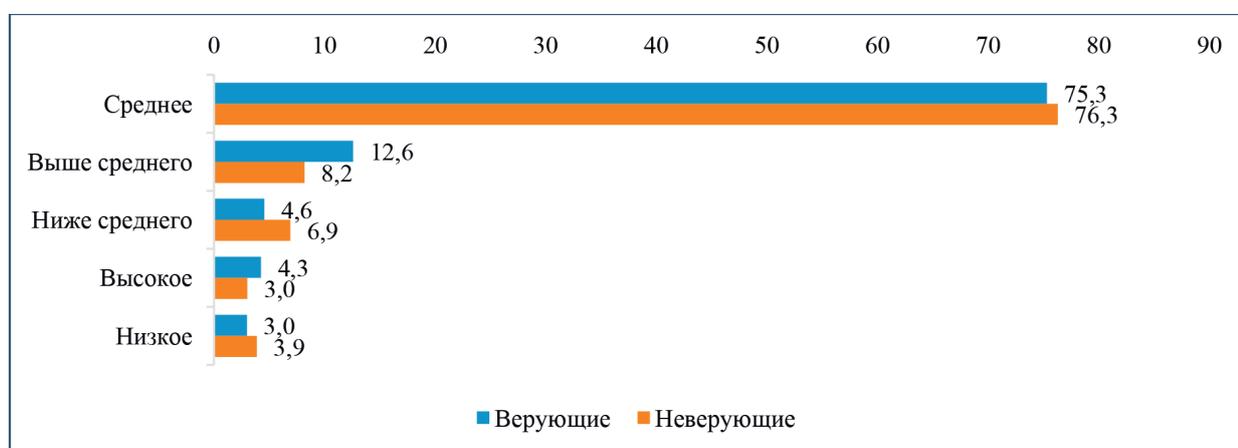
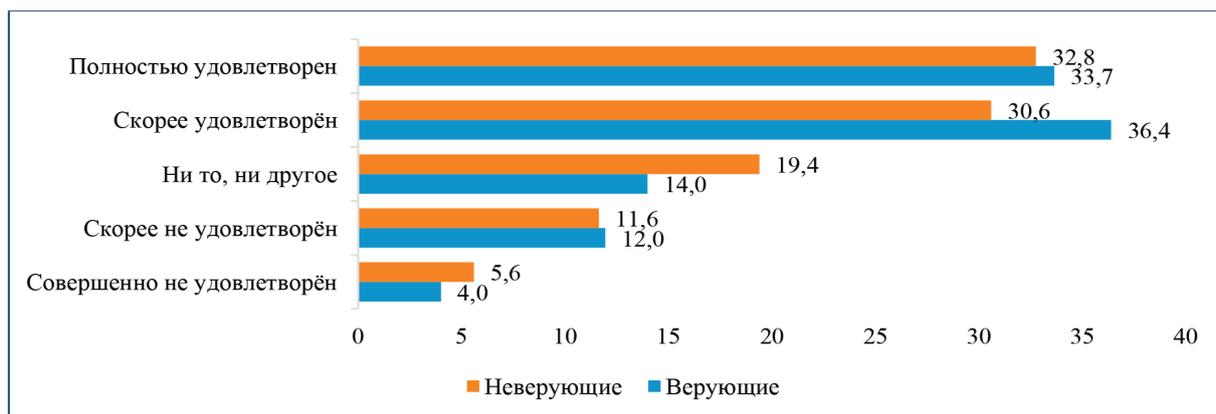

Рисунок 4 – Распределение по уровню достатка среди верующих и неверующих (%)

Данные, представленные на рисунке 4, позволяют представить следующие данные: большинство верующих 75,3% и неверующих 76,3% имеют средний уровень материального достатка. Это указывает на то, что независимо от вероисповедания, большинство людей в исследовании имеют необходимый уровень дохода для удовлетворения основных потребностей. Исходя из этих данных, можно заключить, что верующие и неверующие в целом имеют схожий уровень достатка, с большинством людей, имеющих средний доход. Однако верующие имеют небольшое преимущество в категории "выше среднего" и небольшое отставание в категории "ниже среднего".

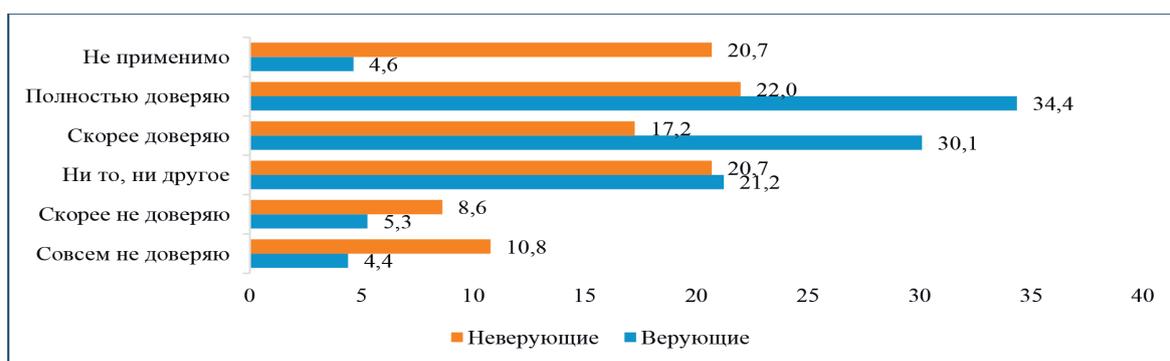
Сравнительно небольшие различия между верующими и неверующими наблюдаются в категориях «полностью удовлетворен» 32,8% верующих против 33,7% неверующих и «скорее удовлетворен» 30,6% верующих против 36,4% неверующих. Эти результаты указывают на то, что большинство верующих и неверующих людей в исследовании относительно удовлетворены своим материальным уровнем жизни. Например, доля верующих, которые «скорее не удовлетворены», составляет 11,6%, в то время как среди неверующих это значение составляет 12,0%. Также верующие имеют небольшое преимущество в категории "совершенно не удовлетворен" (5,6% против 4,0%) (рисунок 5).

Рисунок 5 – Распределение по уровню удовлетворенности материальным уровнем жизни семьи среди верующих и неверующих (%)

Существенные различия между верующими и неверующими наблюдаются в категории «не применимо». Здесь доля верующих, которые не могут применить степень доверия к своей вере, составляет 4,6%, в то время как среди неверующих это значение значительно выше и составляет 20,7%. Это может свидетельствовать, что верующие имеют более определенное отношение к степени доверия по отношению к своей вере. Верующие и неверующие также имеют различия в уровне «скорее доверяю» и «скорее не доверяю», где верующие име-

ют более высокие проценты в «скорее доверяю» 30,1% против 17,2% неверующих и более низкие проценты в «скорее не доверяю» 5,3% против 8,6% неверующих, верующие и неверующие люди имеют различное отношение к доверию к другим людям. Верующие, в целом, проявляют более высокий уровень доверия и меньше склонны к крайним вариантам, таким как "совсем не доверяю". В то время как неверующие имеют более разнообразное отношение к доверию, включая как высокие, так и низкие уровни (рисунок 6).

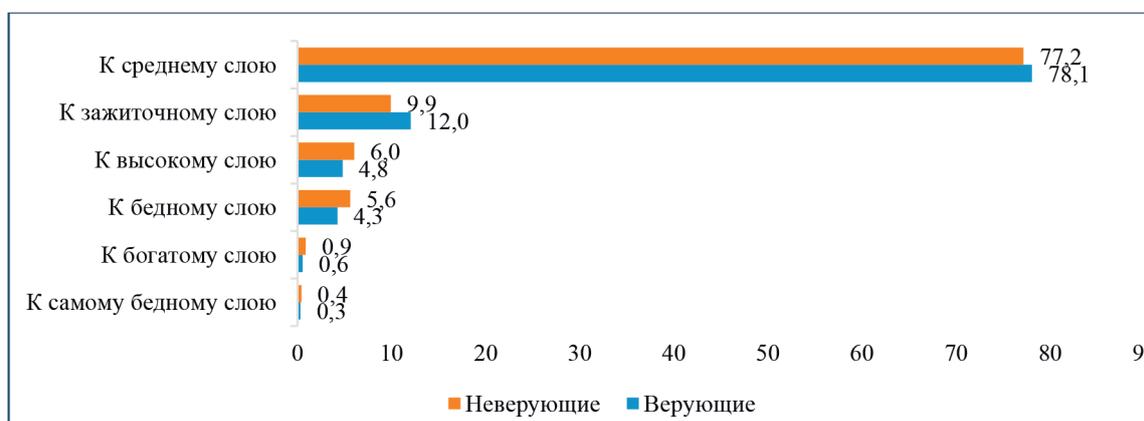
Рисунок 6 – Распределение по степени доверия людям своей веры среди верующих и неверующих (%)

Верующие и неверующие в равной мере представлены в категории «к среднему слою» соответственно на уровнях 78,1% и 77,2%. Это указывает на то, что обе группы имеют примерно одинаковую долю семей среднего уровня жизни. Верующие и неверующие также

имеют схожую долю семей, которые классифицируются как «к зажиточному» или «к высокому слою». Однако неверующие имеют небольшое преимущество в категории «к зажиточному слою» 12,0% против 9,9% неверующих, в то время как верующие немного отстают в категории

«к высокому слою» 4,8% против 6,0% неверующих. Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что верующие и неверующие в целом имеют схожее положение семей по уровню жизни, с небольшими различиями в категориях «к

зажиточному слою» и «к высокому слою». Неверующие имеют небольшое преимущество в категории «к зажиточному слою», в то время как верующие имеют небольшой процент в категории «к богатому слою» (рисунок 7).

Рисунок 7 – Распределение по положению семьи по уровню жизни (Можете ли Вы сказать, что Ваша семья относится к...) среди верующих и неверующих (%)

Заключение и выводы

Анализ полученных данных нашего исследования также выявил статистически незначительные различия в религиозной идентичности и уровня дохода в различных слоях населения. Как и предполагалось, субъективное восприятие бедности, верующих людей, уменьшается, по сравнению с теми, у кого более высокий доход. Исследование показывает, что более материально благополучные люди, как правило, чувствуют себя «увереннее», по сравнению с тем, кто соотносит себя с бедным слоем.

Особенности религиозной идентичности большинства опрошенных респондентов показывает устойчивость в самоопределении. 41,3% из числа «я верующий, но не посещаю места богослужения» считают себя «счастливыми», тогда как 51,4% относят себя к «несчастливым».

В абсолютном выражении влияние возраста на проявление религиозной идентичности между респондентами, выбравшие вариант ответа «я верующий, последовательно следую религиозным нормам, веду религиозный образ жизни, регулярно посещаю места богослужения» и «я равнодушен к религии» относительно невелико: разница между максимальной и минимальной

оценкой среднего значения счастья ($p < 0,04$) в группах респондентов с доходом – от менее чем 100 000 тенге и 250 000-300 000 тенге. Однако имеет нескорректированный эффект снижения в возрастной группе от 50 до 60 лет и старше в высокодоходных группах от 500 000 тенге до 1 000 000 тенге и выше. По мере того, как человек продвигается вверх по лестнице доходов, усиление связи религиозной идентичности и благополучия с возрастом становится все более ощутимым. Респонденты, не сообщившие о доходах и не ответившие на вопрос о религиозных убеждениях, представляют довольно смешанную группу: в среднем менее образованные и более молодые, чаще самозанятые, с низким социальным доверием и высоким чувством незащищенности и недоверия.

Связь между возрастом и верой кажется не особенно значимой и имеет несущественные различия в зависимости от вероисповедания. Выявлен нелинейный эффект возраста: в высокодоходных группах, религиозно устойчивой считается возрастная диапазон от 60 и старше, возможно, потому что в этом возрасте достигнут баланс в управлении личной и профессиональной жизнью, где респонденты более старшего возраста осознают свою сопричастность с религией.

Литература

- Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung: kleine politische Schriften VI. –Berlin: Suhrkamp Verlag, 1987. – 179p.
- Кабиденова Ж.Д., Рысбекова Ш.С. Религиозная идентичность: анализ основных определений и концептов // *Вестник КазНУ. Серия философия. Серия культурология. Серия политология.* –2015. –№1 (50). –С.53–57.
- Krylov A.N. Religiöse Identität Individuelles und kollektives Selbstbewusstsein im postindustriellen Raum Deutsche Kurzfassung des Buches Begleitbeiträge. Religiöse Identität: Individuelles und kollektives Selbstbewusstsein im postindustriellen Raum. –Berlin: Verlag Ikar, 2012. – 306p.
- Schweitzer F., Friedrich R. Lebensgeschichte und Religion. Religiöse Entwicklung und Erziehung im Kindes- und Jugendalter // *Gütersloh.* –2004. –№2 (1). –P.235–252.

References

- Andersen R., Curtis J. (2012) The polarizing effect of economic inequality on class identification: Evidence from 44 countries. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol.30, no1, pp.129–141.
- Backhaus J., Mueller F. (1994) On Sombart. *Review of Social Economy*, vol.52, no.2, pp.48–71.
- Bourdieu P. (1987) What Makes a Social Class? On The Theoretical and Practical Existence of Groups. *Berkeley Journal of Sociology*, vol.32, no.1, pp.1–17.
- Burova E., Sagikyzy A., Hejazi S. (2022) Indicators of the process of religionization. *Eurasian Journal of Religious Studies*, vol.30, no2, pp.23–36.
- Buttrick N., Oishi S. (2017) The psychological consequences of income inequality. *Psychological Compass*, vol.11, no32, pp.1–12.
- Delhey J., Steckermeier L. (2020) Social Ills in the Rich Countries: New Evidence on Levels, Causes, and Mediators. *Social Indicators Research*, vol.149, no1, pp.87–125.
- Fowler J. W., Dell M. L. (2006) Stages of Faith from Infancy Through Adolescence: Reflections on Three Decades of Faith Development Theory. *The Handbook of Spiritual Development in Childhood and Adolescence*, vol.1, no2, pp.34–45.
- Giordan G. (2016) Spirituality. *Handbooks of Sociology and Social Research.* – Cham: Springer, 209p.
- Goffman, E.: The Presentation of the Self in Everyday Life, 1959; ders.: Characteristics of Total Insitutions. In: Stein, M. u.a. (Hg.): Identity and Anxiety. Glencoe 1960. -S. 449-479.
- Habermas J. (1987) Eine Art Schadensabwicklung: kleine politische Schriften VI. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 179p. (in German)
- Hardy S. et al. (2012) Religiosity and adolescent empathy and aggression: The mediating role of moral identity. *Psychology of Religion and Spirituality*, vol.4, no3, pp.237–248.
- Jaeger M. M. (2009) Equal Access but Unequal Outcomes: Cultural Capital and Educational Choice in a Meritocratic Society. *Social Forces*, vol.87, no4, pp.1943–1971.
- Kabydenova Zh., Rysbekova Sh. (2015) Religioznaya identichnost': analiz osnovnyh opredelenij i konceptov [Religious identity: analysis of the basic definitions and concepts]. *KazNU Bulletin. Philosophy series. Cultural science series. Political science series*, vol.50, no1, pp.53–57. (in Russian)
- Kim S., Esquivel G. (2011) Adolescent spirituality and resilience: Theory, research, and educational practices. *Psychology in the Schools*, vol.48, no7, pp.755–765.
- Krylov A.N. (2012) Religiöse Identität Individuelles und kollektives Selbstbewusstsein im postindustriellen Raum Deutsche Kurzfassung des Buches Begleitbeiträge. Religiöse Identität: Individuelles und kollektives Selbstbewusstsein im postindustriellen Raum. Berlin: Verlag Ikar, 306p. (in German)
- Luckmann T. (2019) The new and the old in religion. In *Social theory for a changing society*. New York: Routledge, 188p.
- Sadri A. (1985) Max Weber's Sociology of Religion as a Sociology of Intellectuals. *State, Culture, and Society*, vol.1, no2, pp.85–106.
- Schwadel P. (2016) Social class. *Handbook of religion and society*. Cham: Springer International Publishing, 371p.
- Schweitzer F., Friedrich R. (2004) Lebensgeschichte und Religion. Religiöse Entwicklung und Erziehung im Kindes- und Jugendalter, *Gütersloh*, vol.1, no2, pp.235–252. (in German)
- Steinman K. et al. (2008) The Dose-Response Relationship of Adolescent Religious Activity and Substance Use: Variation Across Demographic Groups. *Health Education & Behavior*, vol.35, no1, pp.22–43.
- Vaughn M. et al. (2014) Dropping out of school and chronic disease in the United States. *Journal of Public Health*, vol.22, no3, pp.265–270.
- Weber M. (2002) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. – New York: Routledge, 128p.
- Worthington E. et al. (2011) Psychotherapy Relationships That Work. – New York: Oxford University Press, 214p.